

УДК 821.111

Проскурнин Борис Михайлович

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой литературы
и культуры, Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел.: +7(342) 2396339, e-mail: bproskurnin@yandex.ru

ИММИГРАЦИЯ И/ЛИ РЕКОЛОНИЗАЦИЯ? ОБ ОДНОМ СТИХОТВОРЕНИИ КЭРОЛ ЭНН ДАФФИ

В статье анализируется стихотворение крупнейшей английской поэтессы Кэрол Энн Даффи в контексте иммиграционных проблем современной Великобритании, её колониального прошлого и постколониального настоящего, а также в контексте размышлений этического философа, впервые заострившего проблему взаимоотношений с Другим и чужим, Эммануэля Левинаса. Акцентируется актуальность иммиграционной тематики для современной британской литературы в целом. В стихотворении «Foreign» Даффи своеобразно размышляет над проблемами иммиграции, национальной идентичности, прокламируемой толерантности и её реального «лица» как обратной стороны политики мультикультурализма и реколонизации иммигрантов. Демонстрируется, что двадцатистрочное стихотворение построено на особой работе с читателем, по принципу драматического лирического монолога; оно написано белым стихом с большим количеством анжамбемана трёх типов, что придаёт особый психологический драматизм лирическому монологу. В статье показывается, как и с какой целью Даффи использует разговорный язык и смену речевых регистров; анализируется роль внедрённой в лирическое полотно прямой речи героя, стилизованной под речь с иностранным акцентом. Показывается, как возникает в стихотворении внутренняя лиричность, связанная со сменой лирического объекта лирическим субъектом, что эмоционально заостряет вопрос о «чужести» иммигранта стране его пребывания, о незаинтересованности принимающей страны в нём, кроме как в качестве рабочей силы, а его – в ней. Подчеркивается, что К. Э. Даффи видит надежду на

возможное преодоление этой пропасти, по сути являющейся ничем иным, как реинкарнацией уже печально известной иерархии между колонизатором и колонизируемым во взаимном стремлении к пониманию друг друга. При этом большую ответственность она накладывает на читателя – резидента принимающей страны.

Ключевые слова: иммиграция, современная британская литература, английская поэзия, Кэрол Энн Даффи, Эммануэль Левинас, драматический лирический монолог.

Введение

В одной из недавних работ, посвящённых теме иммиграции в современной британской литературе, обнаружилась любопытная особенность, имеющая очевидный лингвокультурологический аспект. Автор невероятно синонимичен в обозначении иммигранта и иммиграции: migrant, immigrant, incomer, foreigner, outsider, intruder, influx, immigrantintake etc. [см.: Harding, 2015]. Широко известно, насколько синонимичен английский язык. Однако думается, что такой большой синонимический ряд для обозначения одного явления говорит о значительном по времени процессе языкового освоения этой реалии и её большой актуальности для носителей языка.

Миграция людей других рас и национальностей в Англию – давнишнее явление, неудивительное для страны, на протяжении многих столетий бывшей в авангарде мирового экономического, политического, в том числе и колониального, социального развития, «мастерской мира», «владычицей морей», «мировым купцом» и т. д. и т. п. Для страны, которая в течение столетий была крупнейшей колониальной державой мира и одновременно обладала самым либеральным иммиграционным законодательством, широко открывавшей дверь для политических беженцев, преследуемых в своих странах, особенно – после революций в Европе (и не только в ней), войн, катаклизмов всякого рода, в том числе и межнациональных, межконфессиональных и межрасовых.

Так, в 1948 г., через год после обретении независимости Индией, распавшейся на две страны – Пакистан и собственно Индию, в Соединённом Королевстве был принят знаменитый «Акт о гражданстве», по которому жители бывших колоний получали британское гражданство и право селиться в Великобритании, после Второй мировой войны сильно нуждавшейся в рабочей силе. И хотя затем (в 1962 и в 1976 гг.) правительство пыталось как-то ограничить число въезжающих, тем не менее принятие этого Акта в определённой степени явившегося продолжением британской иммиграционной политики предшествующих лет, сыграло роль катализатора в быстром превращении Англии в мультикультурную страну.

Политолог Е. В. Хахалкина отмечает: «Великобритания стала страной иммиграции более полувека назад – в 1950-е гг., когда в страну стали активно въезжать, воспользовавшись Актом о британском гражданстве 1948 г., темнокожие выходцы из Вест-Индии, Индии, Пакистана и африканских колоний» [Хахалкина, 2017, с. 163]. При этом она верно замечает: «Великобритания уже давно превратилась в страну иммиграции. За период с 1993 по 2014 г. доля рождённых за пределами Соединенного королевства лиц, прибывших в это государство, увеличилось более чем на 50 %» [Там же, с. 164].

В связи с такими бурными иммиграционными процессами не мог не возникнуть ряд «напряженностей» в сосуществовании групп разных и различных рас, национальностей, религий, культур; особенно когда оказалось, что идея мультикультурализма, столь горячо поддерживаемая и возносимая на щит разными слоями британского общества с 1980-х гг., работает не столько на сближение, сколько на отдаление друг от друга постоянных резидентов, особенно англосаксов, и иммигрирующих в страну людей. Одним из главных посылов мультикультурализма была внешне благородная идея сохранения въезжающими собственных культурных обычаев и традиций. Именно поэтому приветствовалось создание различных и многочисленных национальных диаспор, многие из которых, однако, быстро превратились в своеобразные анклавные сообщества со своими, а не страны-резидента, законами и правилами общежития. Исследователи утверждают: «Мультикультурализм, позволив иностранцам не менять свой образ жизни, притупил их мотивацию включаться в британское общество» [Там же, с. 164].

Неслучайно некоторые британские учёные пришли к выводу о том, что «“англосаксонская модель мультикультурализма” приводит к социальной дезинтеграции и геттоизации групп меньшинств» [цит. по: Караваева, 2017, с. 99] и что «белыми гражданами Британии мультикультурализм расценивается как политика, созданная для “любого рода меньшинств”» [Ibid], но только не для них. Неслучайно многие в Британии полагают, что в конце XX – начале XXI вв. «стремительно развивается политизация этничности» [см.: Харитонова, 2016, с. 226], а это неизбежно ведёт к обнажению межнациональных, межрасовых и межконфессиональных противоречий. Согласно данным переписи 2011 г., белые англичане составляли лишь 78,9 % всего населения страны, а выходцы из южных неевропейских стран (а именно такой иммигрант – герой анализируемого в статье стихотворения К. Э. Даффи) составляли более 8 % населения [Хахалкина, 2017, с. 166].

Одновременно события следующих после 1948 г. лет, имеющиеся в виду распад Британской империи, не поколебали в британском (особенно в английском) национальном менталитете имперскую, то есть колониальную, составляющую. Трудно не согласиться,

пожалуй, с лучшим в России специалистом по современной Великобритании Ал. А. Громыко, пишущим об англичанах следующее: «Империя имела для них экзистенциальный смысл, определяла их мироощущение, к ней относились, как к живому организму, вызывавшему особые чувства», поскольку была их «символом величия, их гордостью, неотъемлемой частью национального самосознания» [Громыко, 2005, с. 11].

Отметим любопытное явление, связанное с осознанием национальной идентичности, особенно обострившееся в эпоху деволюции (делегирувания центральными правительственными органами части своих полномочий местным органам власти), начатой лейбористским премьер-министром Т. Блэйром и продолженной его преемником Г. Брауном в 1997 – 2010 гг.: «дробление» того, что можно назвать «британскость» на составляющие её «английскость», «шотландскость», «валлийскость» и «ирландскость»; возрастающее и уже укоренившееся восприятие «чужими» не только представителей народов и стран, не входивших в Британскую империю, но и всех «небританцев», в том числе и бывших под её владычеством, – при всей декларируемой и проводимой политике мультикультурализма. Она, как раз, наоборот, стимулировала эту «чуждость», «друговость», говоря языком этических философов, таких как Эммануэль Левинас (1906–1995). Философско-этические работы Э. Левинаса и его последователей весьма активно используются в работах учёных, занимающихся в том числе и проблемами иммиграции и взаимодействия культур.

Уже на протяжении более чем полувека иммиграционная проблема – одна из центральных в публичном, прежде всего в медийном, пространстве Великобритании. [Хахалкина, 2017, с. 167]. О большой значимости этой проблемы свидетельствует и результат судьбоносного референдума 2016 г. о выходе Соединенного Королевства из Европейского Союза. Известно, что главным аргументом, приведшим 51,9 % голосовавших к одобрению выхода страны из ЕС, стал как раз вопрос иммиграции и политика руководства сообщества по практически бесконтрольному въезду беженцев из Азии и Африки в Европу.

Вместе с тем проблемы иммиграции, отношения к иммигрантам и национальной и расовой идентичности имеют в Британии весьма специфические черты в условиях доминирования (нередко агрессивного) идеологии и практики толерантности, когда всякое заострение этих проблем может быть истолковано как проявление нетерпимости, антидемократизма, а то и ксенофобии.

С другой стороны, как показал Референдум 2016 г., антииммиграционные настроения в Англии и «общественная тревога по поводу присутствия в стране иностранцев» [Там же, с. 167], неприятие их социальным сознанием очень сильны. Их корни надо видеть в том числе и в отголосках имперских амбиций белых англичан, и в отношении иммигрантов

«первой волны» (середины XX в.) к вновь приехавшим (причём не только из Азии и Африки, но и из Восточной Европы) [см. об этом подробнее: Харитонов, 2016; Хахалкина, 2017].

Об этом же убедительно пишет, размышляя о современных англичанах, Ал. А. Громыко: «Имперский менталитет, то есть мышление в глобальных категориях свободного перемещения людей, финансов, товаров и услуг, просвещенческий мессианизм, снисходительное отношение к другим народам, ощущение англосаксонской исключительности, в значительной степени свойствен им и сегодня» [Громыко, 2005, с. 11].

Основная часть

Такая инерция имперского менталитета стала предметом размышлений Кэрол Энн Даффи (г.р. 1955), классика английской поэзии, чьи стихи включены в школьную программу английской литературы; с 2009 г. по 2019 г. Поэта-лауреата (почётная должность при королевском дворце). Стихотворение «Foreign» («Иностранное») из сборника 1993 г. с весьма красноречивым названием – «Mean Time» («Подлое время»; возможные варианты перевода: «Злобное время», «Низкое время» «Убогое время»), может быть прочитано в контексте литературного явления, которое английский литературовед Уильям Мэй в книге «Послевоенная литература, от 1950 к 1990» называет «реколонизацией», то есть художественным изучением национальных и расовых отношений в постколониальной Британии как «неизбежно болезненных связей между “тогда” и “теперь”», как новый тип колонизации уже иммигрантов [May, 2010, p. 208].

Однако другой британский литературовед, Патрик Диер, размышляя о британской литературе 1990-х – 2010-х гг. (до референдума 2016 г. о выходе из Евросоюза и до знаменитой и отражающей сложившееся к тому времени реальное положение дел в отношении общества к иммигрантам фразы премьер министра Т. Мэй «Если ты называешь себя гражданином мира, то ты не принадлежишь своей стране») полагает, что для послевоенной британской литературы «наиболее типичными были такие ценности, как «толерантность» или «уважение» к иммигрантам, беженцам или гражданам других стран» [Deer, 2019, p. 251] и что благодаря этому сложилось то, что он называет космополитизмом британской литературы и культуры.

Другой известный исследователь современной британской прозы Ник Бентли, вслед за рядом учёных, например, Хоми Бхабба – ведущим специалистом в области мультикультуралистской художественной прозы Британии, говорит о некоем «третьем пространстве» расовой и национальной идентичности – «гибридном», когда «типичная иерархия между колонизатором и колонизируемым не берётся в расчёт» [см.: Bently, 2008,

р. 20]. Стихотворение К. Э. Даффи заставляет сомневаться, так ли уж толерантность и уважение к иммигрантам «наиболее типичны», так ли уж толерантно британский мир принимает небританцев, особенно из бывших колоний, не выдает ли П. Диер желаемое (идеальное) за действительное и не ошибается ли Х. Бхабба.

Как уже было сказано, заглавие стихотворения «Foreign» должно переводиться на русский язык именно собирательным существительным – «иностранное», поскольку пафос произведения и его подтекст связаны прежде всего с психологически акцентированным драматическим ощущением иммигрантом из южных стран, объектом лирического изображения, своей «чужести» в стране, куда он приехал; «чужести» не только своей, но и весьма равнодушной и холодной – в прямом и переносном смысле слова – принимающей страны. Причём поэтесса делает очень интересный ход, когда предлагает читателю превратить объект в субъект: самому на какое-то время стать иммигрантом, побыть на его месте, попытаться перенести на себя его страхи, боли, переживания, печали и тоску от пребывания в совершенно чужом мире.

Здесь как нельзя лучше «работают» этико-философские размышления Э. Левинаса о «чужом» и «Другом». Так, после прочтения стихотворения, состоящего всего из четырех пятистрочных строф нерегулярного ямба сразу же бросается в глаза особенность его организации: начальные и финальные слова как бы «зацикливают» стихотворение. В связи с этим возникает ощущение едва ли не трагического замкнутого круга одиночества, что превращает, по Э. Левинасу, страдания иммигранта в «событие, в котором полностью свершилось одиночество существующего» [Левинас, 1998, с. 85].

Словами «Imagine (that)» в начале и в конце стихотворения (причём в конце – через подчеркивающую драматизм стиха цезуру) К. Э. Даффи одновременно эмоционально и интеллектуально «встряхивает» обывателя, до этого в лучшем случае снисходительно-безразлично воспринимавшего иммигрантов. Это особенно ощущается по тональности, с которой автор рисует городскую среду обитания иммигранта.

К. Э. Даффи в этом стихотворении, как и во многих других, использует известный благодаря знаменитому английскому поэту XIX в. Роберту Браунингу и доведенный им до совершенства жанр драматического лирического монолога. У Браунинга это были произведения, блестяще синтезировавшие лирику и драму; они основывались на драматизме внутреннего действия и передавали сложную гамму чувств, настроений, даже порою подсознательных процессов лирического героя.

Для разговора о поэзии К. Э. Даффи, отличающейся тяготением к использованию разговорного стиля, простых слов, «свежо выхваченных из сознания людей, вовсе не поэтов»

[Mendelson, 2002], весьма важно, что жанр драматического монолога нацелен на передачу речи вслух лирических героев (см. подробнее об этом жанре: [Клименко, 1967, с. 39–60]). А у К. Э. Даффи помимо лирического героя, то есть иммигранта, в «произнесении» монолога должен принимать участие и читатель, которого первое и последнее слово *imagine* («вообрази», «представь себе»), превращает в субъекта лирического события, моделируемого автором.

При анализе этого поэтического приёма К. Э. Даффи методологически справедливыми кажутся следующие размышления Э. Левинаса: «Отношения с Другим проблематизируют меня, изымают и продолжают изымать меня из меня самого, раскрывая во мне все новые дарования» [Левинас, 1998, с. 165]. Предложение К. Э. Даффи стать на время иммигрантом и столкнуться с проблемами его безрадостного бытия в чужой стране – это во многом как раз предложение читателю «изъять себя самого» из привычного и удобного бытия и проникнуться совсем другой жизнью в его, читателя, стране:

Представь себя, живущим в чужом, мрачном городе уже двадцать лет.

Несколько унылых жилищ в восточной части,

и одно из них твое. На лестничной площадке ты слышишь,

как эхо твоего акцента катится вниз. Ты думаешь

на своем языке, а разговариваешь на их [Duffy, 2003, p. 178].

Это приглашение одновременно посмотреть и на собственную страну и на самого себя несколько другим взглядом, под другим углом зрения; совершенно по Э. Левинасу: «...постижение Другого есть герменевтика, экзегеза», то есть познание самого себя [Левинас, 2004, с. 734]. Родная для читателя страна предстает «странной» и «тёмной», наполненной холодным и равнодушным эхом; этот эффект усиливает анжамбеман, используемый здесь автором.

Лирическое напряжение стихотворения концентрируется во второй строфе, сюжетно контрастирующей с начальной: в ней К. Э. Даффи «внедряет» читателя во внутренний мир иммигранта, пишущего письмо на родину и прослезившегося от тоски и воспоминаний о матери, её колыбельной и о ласкающим ухо и душу родном языке:

А потом ты пишешь домой. Голос в твоей голове

пересказывает письмо на местном диалекте; за ним

слышится голос матери, поющей тебе

уже так много лет назад, и ты не можешь понять,

отчего твои глаза увлажняются и как это называется на здешнем языке

[Duffy, 2003, p. 178].

Акцентом на том, что лирический герой не знает самых интимных и нежных слов на языке страны, в которую он приехал уже двадцать лет назад, К. Э. Даффи увеличивает пропасть между ним и жителями страны, которой он нужен в большей степени как рабочая сила (см.: первую строку третьей строфы стихотворения), а ему не только чужда, но и не интересна. Более того, в третьей строфе эта пропасть становится зловещей и враждебной: лирический герой видит на стене дома, где он обитает, «свое имя, написанное струей из баллончика с красной краской. / Ненавистное имя. Красное, как кровь» [Duffy, 2003, p. 178–179].

Принимающая страна наглядно и экстремистски демонстрирует, насколько он чужой и нежеланный в ней. Ещё больше «чужест» лирического героя для страны обитания подчёркивается в последних двух строках этой строфы. Здесь обыгрываются образ снега, а также холодный (и мертвящий) свет неоновых ламп на улице, отражающийся во множестве снежинок и слепящий глаза; более того, этот чужой мир, снежный и холодный, «распадается на кусочки в твоих глазах» [Duffy, 2003, p. 179].

«Чужест» лирического героя принявшей его стране (и наоборот) получает дополнительную краску в блестяще выстроенной К. Э. Даффи последней строфе, в которой она рисует сцену в магазине экзотических товаров и продуктов, где иммигрант время от времени покупает фрукты его страны. Герой стихотворения так волнуется от «встречи» с частицей своей родины, что забывает даже название этих фруктов по-английски, становясь ещё больше «inarticulate», то есть «косноязычным», а то и «немым».

Представляется, что именно это второе значение слова имела в виду поэтесса, поскольку в следующей строке К. Э. Даффи даёт своеобразное объяснение этой «немоте»: «because this is not home» [Duffy, 2003, p. 179]. И вся жизнь в этой чужой стране представляется лирическому герою сном: «It like they only go to bed and dream» [Duffy, 2003, p. 179], – объясняет он продавцу странную растерянность его соплеменников (а по сути свою собственную), которые так же от волнения теряют английские слова в этом магазине.

В этой строфе поэтесса, как это часто бывает в её стихах [см.: Anderson, 2005] и как должно быть в лирико-драматическом монологе [см.: Клименко, 1967], обращается к стилизации под прямую речь лирического героя, тем самым увеличивая эмоциональный эффект от всего стихотворения, погружая читателя в сознание героя, делая его внутренний мир и систему ценностей максимально близкими, тем самым обостряя левинасовскую идею «Перед лицом Другого Я бесконечно ответственно» [Левинас, 2004, с. 165] «зацикливающим» всё произведение, как уже отмечалось, обращением к читателю в самом конце стихотворения: «Imagine that» [Duffy, 2003, p. 179].

Заключение

Итак, как мы видим, К. Э. Даффи своеобразно размышляет над острейшими вопросами жизни Британии тех, 1990-х гг., не утратившими значимости и даже ещё больше обострившимися в начале XXI в., особенно накануне и после Референдума о выходе из ЕС и мирового иммиграционного кризиса. Это проблемы иммиграции, идентичности, прокламируемой толерантности и её реального «лица» (как обратной стороны мультикультурализма).

Это небольшое, всего в двадцать строк стихотворение, построенное по принципу драматического лирического монолога, написанное белым стихом с большим количеством анжамбемана всех трех типов («сброс» – конец предложения захватывает начало следующего стиха; «наброс» – начало предложения захватывает конец предыдущего стиха; и «двойной бросок» – фраза начинается посреди стиха и кончается посреди следующего). Использование анжамбемана с его полными остановками посреди строки существенно «эпизирует» лирически воспроизводимое и одновременно придаёт психологический драматизм лирическому монологу.

В стихотворении, традиционно для К. Э. Даффи, используется простой, неотягощенный лишними метафорами разговорный язык и смены речевых регистров, когда воспроизводится прямая речь лирического героя, стилизованная под иностранный акцент. Всё это создаёт эффект внутренней лиричности, эмоционально сильно заостряет вопрос о чужести иммигранта стране его пребывания, о его равнодушной эксплуатации (реколонизации) этой страной, об её полной незаинтересованности в нём, а его – в ней.

Надежду на возможное преодоление этой пропасти, по сути являющейся ничем иным, как реинкарнацией уже печально известной иерархии между колонизатором и колонизируемым, К. Э. Даффи связывает со взаимным стремлением к пониманию друг друга. При этом большую ответственность она возлагает на читателя – резидента принимающей страны.

Список литературы

1. Громыко Ал. А. Великобритания: после захода солнца // Россия в глобальной политике. 2005. Т. 3. № 6. Ноябрь – декабрь. С. 10–23.
2. Караваева Д. Н. Идентичность, иммиграция и мультикультурализм в современной Великобритании (государственная политика и общественные дебаты) // Вестник РГНФ. 2013. № 4 (73). С. 39–51.
3. Караваева Д. Н. Britishness vs мультикультурализм в современной Великобритании // Вопросы всеобщей истории. 2017. № 19. С. 97–109.

4. Клименко Е. И. Лирические монологи // Клименко Е. И. Творчество Роберта Браунинга. Ленинград: Ленинградский университет, 1967. С. 39–60.
5. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Пер. с франц. А. В. Парибка. С. Петербург: Высшая религ.-философ. школа, 1998. 265 с.
6. Левинас Э. Гуманизм другого человека // Левинас Э. Избранное: трудная свобода / Пер. с франц. Г. В. Вдовиной. Москва: РОССПЭИ, 2004. С. 591–662.
7. Харитонов Е. М. Динамика национальных и этнических идентичностей в современной Британии // Политическая наука. 2016. № 1. С. 224–235.
8. Хахалкина Е. В. Иммиграционная проблема в Великобритании после референдума о брекзите – что изменилось? // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 163–170.
9. Anderson H. Christmas Carol // The Observer. 2005. December, 4.
10. Carol Ann Duffy // An Anthology of Contemporary English Poetry / Compiled and edited with Introductions by Karen Hewitt and Vladimir Ganin. Oxford: Perspective publications, 2003. P. 172–187.
11. Bentley N. Postcolonialism, Multiculturalism and National Identity // Bentley N. Contemporary British Fiction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. P. 16–20.
12. Deer P. British Cospolitanism after 1980 // The Cambridge Companion to British Fiction: 1980 – 2018 / Edited by Peter Boxall. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 251–272.
13. Harding J. Migrants and Migrant Writers in English Literature // Footpath. A Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities. 2015. № 9 (4). P. 12 – 30.
14. Hewitt K. Introduction // An Anthology of Contemporary English Poetry / Compiled and edited with Introductions by Karen Hewitt and Vladimir Ganin. Oxford: Perspective publications, 2003. P. X–XXXII.
15. May W. Immigrants and Exiles // May W. Postwar Literature, 1950 to 1990. London: York Press, 2010. P. 194–225.
16. Mendelson Ch. The Gospel Truth // The Observer. 2002. October, 13.

Proskurnin B. M.

*Grand Ph.D. (Philology), Professor,
Department of World Literature and Culture,
Perm State University,
Perm, Russian Federation*

**IMMIGRATION OR RECOLONIZATION?
ON A POEM OF CAROL ANN DUFFY**

In the essay, a poem of the outstanding English poet of our times, Carol Ann Duffy, is under analysis in the context of urgent immigration issues in Great Britain, its colonial past and its post-colonial present. The works and ideas of the famous ethic thinker, Emmanuel Levinas, are addressed to while analyzing Duffy's poem Foreign. The poem is looked at also in the context of actuality of immigration issues for the British literature of the 1990s – 2010s on the whole. It is shown in the essay how much distinctive Duffy is in her discourse on the issues of immigration, national identity, proclaimed and official tolerance and its real 'face' as a reversed side of the politics of multiculturalism and recolonization and ghettoization of immigrants. It is demonstrated that the poem of four stanzas is constructed as a dramatic monologue, following the genre experience of Thomas Browning; it is written as a blank verse with a variety of enjambment, full stops, line breaks, which enforce psychological drama of the poem. The author of the essay shows how masterly Duffy uses colloquial language, shifts of speech registers and broken English of an immigrant. It is demonstrated in the essay how some additional lyricism emerges due to replacing of lyrical object by lyrical entity, when the poet suggests a reader should become an immigrant for a while to understand what it means to be this person in Britain. This trick sharpens the issue of strangeness and alienation of an immigrant, host country's indifference and even hostility to his life, and immigrants' unwillingness to enter the culture of the host country. It is stressed that Duffy sees the possibility to start overcoming this precipices, which she sees as the incarnation of the notorious hierarchy between colonizers and colonized, by mutual wishes to understand each other. The greater responsibility the poet imposes on a reader, a resident of the host country.

Keywords: immigration, contemporary British literature, English poetry, Carol Ann Duffy, Emmanuel Levinas, dramatic lyrical monologue.